

Андрей ГАНИН
доктор исторических наук

ЗАБЫТЫЙ ВОЕННЫЙ МИНИСТР*

Новые исследования о военном министре Временного правительства А.И. Верховском

2014 год, год столетия начала Первой мировой войны, оказался неожиданно богат на книги, посвященные жизни и деятельности военного министра Временного правительства генерал-майора Александра Ивановича Верховского, имя которого на протяжении многих лет оставалось забытым. Личность Верховского многогранна, а в событиях 1917 года он, вне всякого сомнения, сыграл крупную историческую роль, поэтому глубокое изучение его жизни и деятельности представляется значимым и необходимым.

ВЕХИ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ПОИСКА

В 2014 г. в Санкт-Петербурге вышла монография известного ученого, д.и.н., профессора, вице-президента Ассоциации исследователей Гражданской войны в России С.Н. Полторака, посвященная жизни и деятельности Верховского¹. Интерес к работе возникает уже с первых страниц книги, где автор скрупулезно анализирует то, как изучали биографию Верховского историки, отмечает неточности, а порой и недобросовестные публикации, помогая читателю сориентироваться в потоке разнообразных трудов.

Дореволюционный период жизни Верховского С.Н. Полторак освещает на основе впервые вводимых в научный оборот документов Российского государственного военно-исторического архива. Приводятся разнообразные кадетские аттестации и характеристики, наблюдения педагогов Пажеского корпуса, позволяющие составить представление о формировании характера героя книги. В поле зрения автора попали материалы семей-

ного архива потомков Верховского, что существенно расширило документальную базу работы.

Автор подробно анализирует дисциплинарный проступок Верховского, повлиявший на его карьеру и взгляды (с. 29–33). Речь идет о политических разговорах Верховского в бытность его камер-пажом императора Николая II с вестовыми манежа Пажеского корпуса, что в ту пору считалось неподобающим для слушателя элитного военно-учебного заведения поведением (агитация нижних чинов). Однокашники предложили Верховскому оставить корпус, и он отправился на русско-японскую войну вольноопределяющимся. Впоследствии этот факт сыграл свою роль в революционной карьере офицера, которого отнесли к числу гонимых при старом режиме. На войне Верховский проявил себя с самой лучшей стороны, и последствия инцидента вскоре оказались исчерпанными.

Интересны рассуждения автора книги о дневнике и мемуарах Верховского. Воспоминания Верховского «На трудном

А.И. Верховский.
Научный архив Института российской истории РАН.

перевале» С.Н. Полторак считает недо-
стоверным источником. К сожалению, о причинах такого взгляда не сказано. По мнению автора работы, намного ближе к истине дневник генерала, опубликованный в 1918 г. под названием «Россия на Голгофе». Впрочем, в книге использовано не первое издание работы, а перепечатка начала 1990-х гг. из «Военно-исторического журнала», содержательно отличающаяся, как отмечает сам С.Н. Полторак, от первого издания.

Дневник генерала также вызывает вопросы. С.Н. Полторак рассуждает о причинах, побудивших Верховского в сложное для бывших офицеров время, в 1918 г. обнародовать свой дневник. По мнению исследователя, основным мотивом стали политические амбиции. Работа была программой его действий. К сожалению, автор не выделил то политическое послание, которое Верховский вложил в свою работу. С.Н. Полторак высказал предположение, что большая часть дневника была написана не в те дни, под какими приводятся записи, а в начале 1918 г. (с. 40). Основанием для гипотезы послужила нехватка деталей в дневнике (например, ни слова не сказано о таком знакомом событии, как отречение императора Николая II), возможность проследить

* Публикация подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках проекта № 14-31-01258a2 «Русский офицерский корпус на изломе эпох (1914–1922 гг.)».

А.И. Верховский на похоронах погибших при усмирении беспорядков в Нижегородской губ. Москва. Лето 1917 г. РГАКФД.

по дневниковым записям политическую конъюнктуру начала 1918 г., а также проговорка в тексте, косвенно свидетельствующая о ретроспективном взгляде Верховского на события Первой мировой. Как предполагает С.Н. Полторак, «технология написания труда... была очень проста: автор брал за основу те или иные даты, отраженные в его реальных дневниковых записях, и к ним широкими мазками добавлял те краски своей души, которые играли в ней спустя годы» (с. 41). Разумеется, ценность дневника последующее редактирование значительно снизило.

Большой интерес представляют разделы о пребывании Верховского на высоких военно-административных постах летом-осенью 1917 г. С.Н. Полторак изучил около 40 наименований газет за период пребывания Верховского в должностях командующего войсками Московского военного округа и военного

министра, что позволило ему достаточно подробно реконструировать будни героя книги в этот решающий период. В период службы в Москве Верховский должен был заниматься обеспечением безопасности на территории округа. Центр страны тогда бурлил — солдатские беспорядки стали частью повседневности. Широкою известность приобрела посылка войск на подавление солдатских беспорядков в Нижний Новгород в июле 1917 г. (с экспедицией отправился и сам Верховский), где пришлось прибегнуть к расстрелам вооруженных мятежников на месте. Анализирует автор и скандально известное предложение Верховского в октябре 1917 г. заключить сепаратный мир с Германией, в результате чего генерал лишился министерского портфеля.

Биография Верховского еще содержит немало загадок. В работе упоминаются его контакты с представителями

Государственной Думы в 1916 г., что свидетельствует об определенной роли, отводившейся Верховскому в планах штурма власти либеральной оппозицией. Интересно упоминание о деятельности оппозиции внутри большевистской партии, пытавшейся в начале 1918 г. привлечь Верховского в союзники в целях осуществления переворота (с. 137). В личных беседах с автором этих строк С.Н. Полторака делился своими предположениями о том, кто мог контактировать с Верховским, однако проявил осторожность и не поместил свою версию в книгу. Между тем этот сюжет представляет немалую значимость.

К несомненным достоинствам работы относится подробный анализ военнo-научных трудов Верховского. Прежде всего фундаментальной работы «Общая тактика». Вывод автора однозначен — Верховский обладал широким диапазоном военных познаний, был военным эрудитом, разбиравшимся в различных областях тактики, в вопросах разведки, являлся новатором в военном деле (с. 162).

В книге и в предшествовавших публикациях введены в научный оборот документы архивно-следственных дел Верховского за время его арестов в 1918 г. и по делу «Весна» в 1931–1934 гг. (всего Верховский арестовывался пять раз: трижды в 1918–1919 гг. и дважды в 1930-е гг.). Эти документы выявлены в архивах спецслужб России и Украины. Впервые публикуются и воспоминания главного маршала артиллерии Н.Н. Воронова о Верховском, изложенные сыном маршала и хранящиеся в личном архиве автора.

Автор с большой симпатией пишет о своем герое, пытается разносторонне реконструировать его жизненный путь, понять мотивы поступков. Несомненно научная новизна работы и оригинальное авторское видение личности генерала, основанное на многолетнем изучении его биографии.

Книга С.Н. Полторака не лишена и некоторых недостатков. Одним из них, на наш взгляд, является отсутствие в работе документов Российского государственного военного архива, которые могли бы помочь автору осветить советский период. В результате деятельность Верховского с 1917 по 1938 г. изложена кратко, а ключевой для идейного выбора офицеров период Гражданской войны остался за рамками работы. Как следствие, биография распадается на очерки — одни периоды освещены подробно, другие кратко или не затронуты вовсе. Привлеченные автором уникальные документы спецслужб, так или иначе затрагивающие деятельность Верховского в послереволюционный период, не вполне компенсируют этот недостаток. Книге

«Верховский – трубадур новой тактики». 1923 г. Карикатура Мавра. Журнал «Красные зори». Ежемесячный журнал клуба Военной академии РККА. Научный архив Института российской истории РАН.

недостает заключения, в котором автор суммировал бы свое видение роли Верховского в истории России. Встречаются редакторские ошибки², с какими-то положениями работы можно не согласиться или поспорить³. При этом совершенно очевидно, что новая книга С.Н. Полторака является шагом вперед в изучаемой теме, порождает стремление к дальнейшим поискам, способствует генерированию новых идей о роли офицерства в переломных событиях истории нашей страны.

Показателем широкого интереса к теме стало то, что почти одновременно в издательстве Государственной публичной исторической библиотеки России с комментариями была переиздана работа Верховского «Россия на Голгофе»⁴. Вступительную статью об авторе дневника и комментарии подготовил к.и.н. А.М. Савинов, опирающийся на материалы книг Верховского. Несмотря на ограниченную источниковую базу, в статье показана внутренняя эволюция офицера, изменение его взглядов на события в стране. Переиздание снабжено обширными комментариями и, несомненно, привлечет внимание специалистов.

СЕМЕЙНЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА

Еще одной новинкой стала книга супруга внучатой племянницы Верховского Ю.И. Сафронова⁵. Книга написана непрофессиональным историком, что обусловило появление в ней ряда ошибок и домыслов (например, о масонах), предопределило публицистическую заостренность. В основном это касается восприятия автором исторического фона описываемых событий (в этой части работы, а речь идет практически о первых 200 страницах, Верховский упоминается изредка и в контексте различных предположений)⁶. Для читателей должна быть интересна конкретика, относящаяся к деятельности Верховского, во второй и третьей частях книги. Речь идет об уникальных материалах архива семьи Верховских: в впервые вводимом в научный оборот небольшом дневнике Верховского за период его пребывания в Сербии в январе–марте 1914 г. (дневник занимает 26 из 480 страниц книги, с. 203–229) и о переписке Верховского с родными (прежде всего с сестрой Татьяной). Все это дополняют уникальные фотографии из семейного архива.

Конечно, владельцы документов сами определяют, каким образом их обнародовать, но, думается, наиболее целесообразной была бы полная публикация всех материалов семейного архива (дневника, переписки) без их интерпретации. Именно так, например, вводят в научный оборот материалы семейного архива потомки генерала А.Е. Снесарева⁷.

Автор подробно разбирает семейные аспекты жизни своего героя — происхождение, историю рода, родственные и дружеские связи. Изложение службы Верховского в основном представляет пересказ его воспоминаний и дневника с привлечением отдельных архивных документов и газетных статей. Почти не говорится о карьерном взлете Верховского в 1917 г. и его причинах, о связях Верховского с А.И. Гучковым.

Ю.И. Сафронов, как и С.Н. Полтораки, фиксирует более поздние вставки в работе Верховского «Россия на Голгофе», однако отмечает, что их количество незначительно (с. 402). Анализ подготовки этого издания, как и вышедших впоследствии воспоминаний, имевших непростую судьбу, разбор политических взглядов Верховского периода 1917—1918 гг. представляют значительный интерес. Кроме того, в распоряжении Сафронова оказались справки об арестах Верховского, основанные на документах Центрального архива ФСБ, что также ценно в связи с затруднительностью доступа к этим документам.

КАК БЫВШИЙ МИНИСТР ОКАЗАЛСЯ В КРАСНОЙ АРМИИ

В книгах о Верховском почти не затронута драматическая история его поступления в Красную армию. После амнистии 26 февраля 1919 г.⁸ Верховский получил возможность устраиваться на службу. Тогда же он подал прошение о зачислении в ряды РККА. Глава советского правительства В.И. Ленин уже 27 февраля обратился к заместителю председателя Реввоенсовета республики (РВСР) Э.М. Складанскому со следующей запиской: «Зиновьев⁹ звонил мне из Питера, что Верховский (подчеркнуто в документе. — **А.Г.**) (бывший министр при Керенском) просится на работу (особенно против немцев). Обсудите, снеситесь с Троцким и ответьте Зиновьеву (он приезжает завтра часов в 8 или послезавтра)»¹⁰.

Верховский был связан с антибольшевистским подпольем, неоднократно арестовывался, провел немало времени в заключении и под подозрением. Поэтому вопрос о нем обсуждался на заседании ЦК РКП(б) 16 марта в присутствии В.И. Ленина, И.В. Сталина, Л.Д. Троцкого и других большевистских лидеров. Решено было утвердить предложение председателя РВСР Троцкого о назначении Верховского

А.И. Верховский.
Москва, 3 декабря
1935 г.

«на торжественный пост, который бы не был, однако, слишком ответственным»¹¹.

Целесообразность назначения Верховского вызвала сомнения на фронте. Телеграммой от 15 марта 1919 г. РВСР предложил командующему Украинским фронтом В.А. Антонову-Овсеенко принять Верховского на должность помощника. Завязалась переписка. Антонов по согласованию с наркомом по военным и морским делам Украины Н.И. Подвойским ответил 17 марта: «Полагаю, что следовало бы Верховскому зарекомендовать себя на менее ответственном посту, как сторонника Советской власти»¹². Однако центр настаивал: «Не соглашаясь с таким заключением, полагаем назначить генштаба Верховского в распоряжение команд[ующего] фронта Антонова на правах помощника командующего фронтом»¹³. Последняя фраза принадлежала уже главному И.И. Вацетису. Тем не менее назначение не состоялось.

Троцкий стремился использовать авторитет Верховского в эсеров-меньшевистских кругах для пропаганды борьбы с интервенцией. Однако Верховский, не наученный горьким опытом недавних арестов, повел собственную игру, причем имел неосторожность поставить Троцко-

го в неловкое положение, заставив оправдываться перед соратниками по партии.

23 марта 1919 г. Троцкий передал по прямому проводу секретное сообщение для Сталина: «Ввиду того, что Верховский принадлежал к министерству, глава коего Керенский является одним из главных провокаторов в пользу вмешательства иностранного империализма, мною было предложено Верховскому в письменной форме заявить, что независимо от его, как буржуазного демократа, отношения к программе коммунизма он готов всемерно бороться против вторжения западных хищников. Именно в этом смысле Верховский обещал сделать заявление. Вместо этого он списал одну из передовых правозсервских статей, ссылаясь, с одной стороны, на мои слова о противоречии принципов коммунизма психологии, экономике страны, с другой стороны, на разговоры со своими московскими друзьями. Ссылка на меня представляет, само собой разумеется, продукт невероятного легкомыслия политического прапорщика, с которым я, очевидно, разговаривал недостаточно популярно. Ссылка на московских друзей служит для создания моста отступления от того обязательства, какое Верховский давал в устном

виде. Констатирую, что бывший министр правительства Керенского, продолжаящего вести преступную кампанию в пользу удушения рабоче-крестьянской России, в ответ на прямое предложение отречься от этой кампании занялся невежественной хлестаковской критикой коммунистической политики, ни слова не говоря о виновниках и провокаторах иноземного нашествия. Ввиду этого считаю, что Верховский не только не может пользоваться никаким доверием, но должен рассматриваться как лицо, которое вместе со своими московскими и иными друзьями в любой момент способно перейти к прямой борьбе с советской республикой на стороне ее империалистических врагов, почему предлагаю признать его недостойным работы в Красной армии и перевести его в тыловое ополчение. В случае, если настоящее мое предложение будет одобрено, всю мотивировку предлагаю вручить через Складского Верховскому под личную его расписку и опубликовать в газетах¹⁴.

24 марта Троцкий телеграфировал из Симбирска Ленину, Сталину и в Оргбюро ЦК: «Наглое письмо Верховского есть несомненный результат его переговоров с меньшевиками, в частности, с Даном¹⁵, с которым он был тесно связан до октября. Падение Уфы и некоторые восстания наполняли сердца этой публики вождением. Дан научил Верховского учинить политическую демонстрацию. Считаю необходимым и настаиваю со всей энергией на принятии решительных мер, чтобы показать дурачкам и пролазам, что надежды не основательны и что никто не собирается идти в школу. Прошу не задерживать рассмотрения вопроса, в случае одобрения моего предложения передать его немедленно Складскому для исполнения»¹⁶.

В качестве пояснения к предыдущей телеграмме Троцкий сообщал Сталину 24 марта: «Он (Верховский. — А.Г.) мобилизован, но, согласно декрета он может быть включен либо в армию, если он не враг советской власти, либо в тыловое ополчение в последнем случае. Как бывшему члену правительства Керенского, я предложил ему сделать формальное заявление о его враждебном отношении к вмешательству империалистов. Он категорически обещал. Но, поговорив с московскими друзьями, очевидно, меньшевиками, переменял фронт и обнаружил полную враждебность Советской власти.

В силу декрета он подлежит включению в состав тылового ополчения. Я считаю целесообразным проделать это в самой демонстративной форме, показав поднявшей голову сволочи, что мы шутить не собираемся. Такова формальная сторона дела»¹⁷.

25 марта вопрос о Верховском в срочном порядке вновь обсуждался уже без Троцкого на заседании ЦК. Вопрос поднял Сталин на основании сообщения Троцкого. Было решено провести в жизнь предло-

жение последнего, что поручили Складскому. Назначение Верховского в тыловое ополчение предписывалось провести «с максимальной строгостью, и в случае надобности его следует отправить в Питер. Это необходимо, чтобы лишить его возможности сноситься с друзьями»¹⁸. Последовал новый арест, и только осенью 1919 г. Верховский попал на службу, причем в запасную армию республики и стал преподавателем тактики Казанских инженерных курсов. Таким образом, в Красной армии он оказался в результате острых дебатов на самом высоком уровне.

После Гражданской войны Верховский арестовывался еще два раза: в 1931–1934 гг. по делу «Весна» и в марте 1938-го. Последний арест оказался роковым — 19 августа 1938 г. он был расстрелян

и погребен на полигоне «Коммунарка». Реабилитирован в 1956-м.

Биографы Верховского в недостаточной степени использовали потенциал архивов — далеко не все материалы, даже непосредственно касающиеся деятельности генерала, попали в поле их зрения. Прежде всего речь идет о фондах РГВИА, РГВА и ГАРФ, в которых содержится большой объем информации о службе этого незаурядного военно-политического деятеля. Тем не менее все три издания о Верховском взаимно дополняют друг друга, являются шагом вперед в изучении его биографии и будут интересны как историкам, так и широкому кругу читателей. Хочется надеяться, что эти книги стимулируют появление дальнейших интересных работ.

¹ Полторац С.Н. Военная и научная деятельность Александра Ивановича Верховского. СПб.: Остров, 2014. 298 с.

² Генерал В.И. Селивачев дважды назван Селичевым (Там же. С. 47-48), генерал П.А. Лечицкий - Лучицким (Там же. С. 48), искажена фамилия и название книги историка А.Г. Кавтарадзе (С. 206). Не повезло Кавтарадзе и в работе другого биографа Верховского Ю.И. Сафронова (Сафронов Ю.И. Дневник Верховского. М., 2014. С. 415).

³ Нельзя согласиться с тем, что чин полковника Верховский получил при назначении командующим войсками Московского военного округа (Полторац С.Н. Указ. соч. С. 52). Назначение состоялось 31 мая 1917 г., а чин был присвоен 2 апреля 1917 года со старшинством с того же числа (такая же неточность встречается и во введении к переизданию «России на Голгофе»). Во время Верховский состоял и.д. начальника штаба отдельной Черноморской морской дивизии. Арест Верховского по делу «Весна» едва ли произошел из-за того, что он был упомянут выпускником ускоренных курсов Военной академии Г.И. Теодори в агентурном донесении (Там же. С. 165-166). Донесение Теодори было опубликовано автором этих строк (Ганин А.В. «Мозг армии» в период «Русской Смуты»: Статьи и документы. М., 2013. С. 748-764) и содержит данные о Верховском, однако из документа не следует, что это послужило основанием для ареста упомянутых лиц. Спорный характер носят оценки Пажеского корпуса как самого привилегированного и престижного военно-учебного заведения России (Полторац С.Н. Указ. соч. С. 21) и Верховского как одного из самых одаренных военачальников России (Там же. С. 81).

⁴ Верховский А.И. Россия на Голгофе (из походного дневника 1914–1918 гг.). М.: Гос. публ. ист. б-ка., 2014. 208 с.

⁵ Сафронов Ю.И. Дневник Верховского. М.: Вече, 2014. 480 с.

⁶ Речь идет о военно-политических событиях кануна Первой мировой войны в Сербии. На эту тему существуют серьезные современные исследования, напр.: Вишняков Я.В. Военный фактор и государственное развитие Сербии начала XX века. М., 2012.

⁷ Снесарев А.Е. Письма с фронта: 1914–1917. М., 2012; Снесарев А.Е. Дневник 1916–1917. М., 2014.

⁸ Судебный процесс над социалистами-революционерами (июнь – август 1922 г.). Подготовка. Проведение. Итоги. Сб. док. М., 2002. С. 32.

⁹ Г.Е. Зиновьев занимал пост председателя петроградского совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов.

¹⁰ Архив Губерновского института (Hoover Institution Archives, HIA). The Trotsky collection. Box 7. Folder 4.

¹¹ The Trotsky papers 1917-1922. Vol. 1. 1917-1919. L. – Hague – P., 1964. P. 298.

¹² РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 912. Л. 249.

¹³ Там же.

¹⁴ HIA. The Trotsky collection. Box 4. Folder 69.

¹⁵ Ф.И. Дан был одним из лидеров меньшевиков.

¹⁶ HIA. The Trotsky collection. Box 1. Folder 58.

¹⁷ Ibid. Box 4. Folder 70.

¹⁸ The Trotsky papers 1917–1922. Vol. 1. P. 318.